Одиночество христианина. Евгений Берсье

> 32 Вот, наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мною.
> Евангелие от Иоанна 16 глава — Библия: https://bible.by/syn/43/16/

Есть, братья, два рода уединения: уединение видимое и невидимое. Когда нас никто не видит, не трогает и не слышит, мы говорим, что мы одни; однако же, не всегда только в этом заключается истинное одиночество. Рыболов не чувствует себя одиноким, проводя ночи среди огромного водного пространства и не слыша другого шума, кроме однообразного плеска волн и воя ветра, не нарушаемых никаким человеческим голосом; он думает о своей семье, мирно покоящейся дома, о своих не обременённых заботой детях, для которых он работает; любовь к ним наполняет его сердце, и он не одинок.

Не чувствует себя одиноким и караульный солдат, с оружием в руках стоящий, среди всеобщего безмолвия, на далёком аванпосте, потому что он сознает, что охраняет честь знамени и покой своих товарищей по оружию.

Не одинока также труженица, которая в своей коморке, при свете маленькой лампы, с лихорадочной поспешностью работает своей иголкой, зная, что, окончив работу до зари, она доставит тем, кого любит, пропитание на завтрашний день. Нет, тот, кто любит, не бывает одиноким. Это одиночество только видимое. Напротив, можно быть окружённым шумной, деловой толпой и, несмотря на это, чувствовать себя более одиноким, чем в пустыне. Есть существа, соприкосновение с которыми не затрагивает в вашей душе ни одной симпатичной струны; их рука сжимает вашу, но это равнодушное объятие ничего не производит в вашем сердце; вы

встречаете их взгляд, который, может быть, вызовет в вас только вежливую улыбку, нисколько не согретую искренней и глубокой привязанностью. Это внутреннее одиночество среди толпы каждый из нас когда-либо чувствовал.

Так, при возвращении с кладбища, где вы зарыли часть вашего сердца и вашей жизни, всякий шум и движение толпы казались вам пустыми, излишними и неприятными. Каждому, несомненно, известно, как сжимается сердце, когда оно чувствует себя одиноким. Так бывает даже с душами наиболее мирскими, увлекающимися и преданными суете; и, если бы мы могли проникнуть в одно из таких существ, по-видимому, всецело поглощённых тем, что происходит кругом, мы часто открыли бы там сухость сердца и ужасающее нас нравственное одиночество.

Нужно ли говорить, которое из двух одиночеств — внешнее или внутреннее — переносить тяжелее? Одиночество сердца, бесспорно, есть самое ужасное из всех; чувствовать себя затерянным среди обширной вселенной, зная, что вы никому не дороги, и никто не интересуется вашей судьбой, — разве есть состояние горестнее этого? И, однако, мы знаем, что существует класс людей, охотно принимающих эту участь: быть одиноким, не составляет несчастья для некоторых эгоистов. Напротив, величие одиночества имеет для них что-то обаятельное. Не иметь ничего общего с людьми, забраться на вершину, недоступную людям, и гордо восседать там, для них есть нечто весьма привлекательное. Такой человек, я уверен, скорее проложит себе дорогу в свете; никакая привязанность не остановит его хода; он будет преследовать решительно свою цель, будь это слава или богатство, попирая ногами соперников и друзей, отодвигая всё стесняющее его, всё, что хотя сколько-нибудь угрожает остановить его на минуту. Подобно оператору, режущему без содрогания живой трепещущий организм, он сделает своё дело во что бы то ни стало, преследуя всеми возможными средствами намеченную им цель, и, если он будет иметь успех, про него скажут: «Это великий человек!» Таково величие эгоизма, таково величие ада.

В Иисусе Христе Евангелие представляет нам, братья, величие особого рода, Божественное, а не земное, которое возвещает любовь и требует любви. И так как Христос был весь воплощённая Любовь, то слова, составляющие предмет моей настоящей беседы, имеют особый, глубокий смысл: «Вы Меня оставите одного». Рассмотрим же, братья, что были за причины одиночества Иисуса, и посмотрим, какое утешение Он нашёл и выразил в дальнейших словах: «Я не один, Отец со Мною!»

Когда человек обрекает себя на служение здесь на земле истине или правде, он рано или поздно становится одиноким. Он, может быть, и найдёт симпатию, но не в то время, когда он сильно борется и имеет наибольшую нужду в ней. Каждая истина вначале не признаётся и становится предметом поношения и страданий для её первых проповедников. Подтверждаясь мировым опытом, это положение особенно оправдалось по отношению к религиозной истине. Истина религиозная, в силу её святости, затрагивает наши греховные стремления, указывает на наше ничтожество, открывает всё наиболее гнусное и преступное в сердце; она унижает и разрушает нашу гордость, и потому мы всегда можем быть уверены, что против неё составится рано или поздно союз из всех человеческих страстей, и так будет до самого конца мира. Бывают минуты, когда думается, что истина побеждает, но так как сердце человеческое всегда одно и то же, то среди явных последователей, окружающих её, скоро замечаются те же самые враждебные

наклонности, те же самые пороки и та же самая ненависть против её авторитета. Пробегая историю всех тех, которые были здесь на земле свидетелями вечной истины и правды, я вижу их всех более одинокими, непонятыми и непризнанными.

Был одинок Моисей, в продолжение 40 лет страдавший в Египте с своим порабощённым народом, и был одинок вновь, ведя его, вопреки его желаниям, по пустыне, чтобы исполнить его славное назначение.

Был одинок Илия во времена Ахава и Иезавели, взывая в печали: все сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твой жертвенник, пророков Твоих убили мечом; остался я один, но и моей души ищут, чтобы отнять её. (3 Царств. 19:10.) Был одинок Исаия, говоря в горести: кто поверит нашей проповеди? Был одинок Иоанн Креститель в Махеронтской темнице, когда страж отсёк ему голову для увенчания царской гордости. Был одинок св. Апостол Павел, когда в Римской темнице начертывал на последней странице, доставшейся нам, такие грустные слова: все меня покинули. После, нет сомнения, эти великие проповедники истины воспряли славу и честь; и всё оставленное ими сделалось достоянием святой веры, но в дни испытания они были одни.

Представьте же теперь себе, братья, не тех великих людей, какими были Моисей, Илия или Павел, но Всесвятого и Всеправедного, могущего прямо назваться Истиной, и вы наперёд угадаете, как Он, как человек пребывая на земле, был одинок между людьми. Он был одинок, когда искал славы Божьей среди забывших Его людей, когда проповедовал Своё Божественное учение обрядолюбивому народу, когда осуждал беззаконие и лицемерие среди толпы, подчинённой фарисеям,— был одинок, увы! даже среди Своих учеников, потому что ученики не могли сразу понять Его высшего назначения, не могли вникнуть в Его наставления, нередко мечтали лишь об Его земной славе и только, вследствие всецело человеческой преданности, желали отвратить Его от скорбного и кровавого пути, ведущего к той Жертве, ради которой Он снизошёл на землю. Он был одинок и в тот великий час, когда Его плоть содрогалась, и сердце обливалось кровью; Он не слышал от учеников ободряющих Его слов, и Его последние взгляды встретили их лишь убегающих в общую толпу, где вплоть до самого креста раздавались страшные крики насмешек и поруганий. Таково одиночество Иисуса Христа! То, что случилось с вождём, должно было случиться и со всеми Его учениками и с каждым истинным Его последователем: Он — глава, мы — тело; если мы предались Ему действительно, следуем по Его святым заповедям, живём Его жизнью и ищем, подобно Ему, славы Божьей, с нами поступят так же, как и с Ним. Христиане, ждите же этого печального доказательства; ждите, пока не почувствуете себя покинутыми на земле!

Здесь, однако, я должен указать на опасность, обозначив ложную дорогу, где заблуждается столько душ. Есть, братья, одиночество, происходящее от нас самих. Можно заключить себя в свой собственный узкий духовный горизонт и усвоить исключительное направление; можно вооружиться упорством независимости и самолюбия, поставить между другими и собою разделяющую преграду и потом тосковать в своём уединении. Отчаяние, дошедшее до крайности, впадает в подобное же искушение. Под предлогом таких страданий, которых никто не может понять, люди укрываются завесой самолюбия и живут только своим горем, забывая, что у них есть ближние. Таково ли то уединение, к которому призывает нас Иисус Христос? Без

сомнения, в нём нет ни одной самой малой доли одиночества Христова. Последнее происходило от того, что Христос искал славы Божьей, а одиночество, осуждаемое нами, происходит, напротив, оттого что ищут славы своей; а между тем и другим какая бездна! Будем же опасаться смешивать их; будем, в особенности, опасаться одиночества, которое происходит вследствие нашей гордости.

Но это распространённое заблуждение остаётся тем не менее истинным, когда любящий, кроткий и милосердный христианин, желая подражать своему Учителю, готовится разделить Его одиночество. В тот день, когда он решился последовать за Учителем, он восстановил между миром и собою преграду из понятий и привязанностей, делающую его одиноким. И как, ища славы Божьей, не чувствовать себя одиноким в мире, где эта слава не признаётся? Как, живя для вечности, не чувствовать себя одиноким в том мире, где все занятия сводятся к видимому, земному и плотскому? Как, любя всё святое, не чувствовать себя одиноким среди такого множества сердец, которых увлекает и удовлетворяет только греховное? Как, трудясь для Царства Божьего, не чувствовать себя одиноким среди стольких людей, ищущих лишь славы, карьеры, успеха и богатства? Увы! истинный христианин, страдающий до конца жизни за Христа, часто напрасно обращается к своим заснувшим собратьям и, не найдя никого, кто бы понял его, вынужден бывает повторять слова Его: не могли вы и одного часа пободрствовать со Мною?

Братья! Это неизбежное уединение влечёт иногда за собою также соблазны, к которым я вас прошу быть внимательными. Рассмотрим эти соблазны. — Одному верить в истину и одному её возвещать, без руководства святой церкви, какое для нас страшное испытание! Таков соблазн ума. К нему может прибавиться ещё соблазн сухости сердца. Сердце видит сочувствие, и ничто ему так не мило, как привязанности, разделяемые другими. Могущество любви и вся жизнь человека усиливается сочувствием. Но одному любить Бога и призывать к любви, которая недостаточно крепка у самого, какой это повод к отчаянию, братья? Сердце углубляется тогда в самого себя и изнывает в припадках грусти. Таким образом, не оказывает ли это двойное искушение ума и сердца плачевного влияния на жизнь? Чтобы действовать, братья, надо быть понятым. Мысль, что есть зрители, или свидетели, удваивает нашу природную энергию. Самые невозможные работы исполнялись соединёнными силами людей. Это чудное могущество симпатии мы чувствуем всюду, где есть души, детски чистые и неиспорченные. Могущество симпатии пробуждало часто гении или способности, которые пропали бы в одиночестве. Ничто не способно настолько ослабить наши силы, как чувство одиночества, проявляющееся тогда, когда мы преследуем цель, никем с нами не разделяемую.

Вот, братья, тот вид одиночества, к которому должен приготовиться христианин, ставший одиноким среди людей века сего, вследствие следования за своим Учителем и желания искать славы и Царства Божьего. Но что будет, если к этому общему испытанию прибавятся ещё испытания частные, когда болезнь и смерть нередко всё опустошают вокруг нас и делают наше одиночество ещё более полным? Что будет, если прибавится ещё мучительное несходство характера и жестокая разногласия в привязанности, одерживающая часто победу? — Мы все, братья, более или менее нуждаемся в утешении, и я спешу перейти ко второй части взятого мною текста: «но Я не один, потому что Отец со Мною». Это утешение Христа Спасителя должно быть утешением и нашим.

Я не один, потому что Отец со Мною. Вот что составляет силу Христа. Что значат все оставления на земле, когда Его Отец с Ним? Он может быть ненавидим людьми, но Он слышит вечно раздающиеся дивные слова: «Ты Сын Мой возлюбленный! В Тебе Моё благоволение!» (Ев. Марка 3:22). Отец с Ним. Братья! И Он всегда с Отцом, как Единородный Сын Его, нераздельный с Ним, по существу, Божественному. Но, можем ли мы забыть, что и Он на кресте, отвергнутый людьми, почувствовал, что Небо закрылось для Него? Можем ли мы забыть, что, оставленный всеми, кого Он любил здесь на земле, Он должен был обратить взгляд на Небо и произнести слова: «Боже Мой, Боже Мой! зачем Ты оставил Меня?» Забыть это! Но это значило бы забыть, какою ценой мы были искуплены; это значило бы проходить с закрытыми глазами эту бесконечную бездну милосердия, пред которым склоняются даже ангелы, стараясь постичь её глубину. Но Иисус Христос познал это оставление, чтобы мы, братья, не узнали его никогда. Когда святая вера соединяет нас с Ним, и мы усвояем Его искупительную Жертву, мы имеем право обратиться к Богу и называть Его нашим Отцом; мы можем, в свою очередь, повторять эти слова: «Я не один, Отец Мой со Мною». Вот что составляет силу и утешение христианина! Тогда все искушения одиночества исчезнут в одном этом утешении.

Вы одиноки и сомневаетесь, может быть, так как я сказал, есть грозное испытание для вашей слабости в том, что вы одни должны свидетельствовать об истине, непризнаваемой другими. И кто вы такой, чтобы, противопоставляя вашу мысль мыслям толпы, верить в то, что другие отрицают? Но в этом горестном сомнении я не знаю другого утешения, как эта мысль: «Отец Мой со Мною». Да, имейте в себе общение с Богом, просите Его благодатной помощи, и вы будете крепки, братья, и будете говорить, не делая уступок. Когда за вас Бог, ничто не должно заставить вас молчать, ничто не должно остановить вас. И не видите ли вы, что в этом самом состояла сила пророков Божьих всех веков, потому что Бог имеет Своих пророков для каждого времени. Восставая против господствующего беззакония, что сделали бы они, если бы не имели этого прибежища и помощи свыше? Думаете ли вы, что они достаточно нашли бы в себе силы отказаться от целого мира и быть одинокими в своих проповедях? Они говорили, чувствуя, что с ними Бог.

Ни Моисей, ни Илия, ни св. Павел не почерпнули бы в собственном характере той сверхчеловеческой силы, которая сделала из них великих мужей и столь твёрдых в вере и благочестии. Они нам сами говорят, что Бог призывает их и посылает, говоря: Я буду говорить твоими устами. И эти уста не смолкнут более и, на все насмешки и проклятия людей, ответят: «С нами Бог». И посмотрите: в то время, когда эта мысль предохраняла их от горечи, как они умели терпеливо ожидать, пока Бог приведёт в исполнение Свою волю.

Мы слышим, как прославляют ныне вновь изобретённое достоинство, то, что называют презрением, в котором, говорят нам, мудрец должен отыскивать своё убежище, когда истина, защищаемая им, не признаётся на земле. Братья, те, которые познали Бога, не пожелают этого убежища. Если их оттолкнёт мир, то не в этом презрении, а в бесконечной любви Божьей они станут искать своего убежища, и, вместо того чтобы служить истине со всею мелочностью критического ума, они будут стараться возлюбить и просветить тех, которые их отталкивают и не признают. Будем же благословлять Бога за то, что Тот, Кто Сам был Истиной, нашёл утешение среди Своих страданий в общении с Отцом, и за то, что Он произносил на кресте, даже за проклинавших Его, эту великую молитву: «Отче, прости им». Подобно Ему, будем находить

убежище только в общении с Богом и, если нас оттолкнёт свет, найдём достаточно силы, чтобы до конца служить Истине без слабости и малодушия.

Мы говорили об искушениях ума; но бывают также искушения сердца, проявляющиеся в сухости и томительном бессилии, производимых одиночеством. Но и тогда, братья, истинно верующий может находить утешение в любви Божьей. Если ему недостаёт привязанности людей, то вы думаете, что любви Божьей будет недостаточно, чтобы наполнить его сердце? Не есть ли Бог источник любви, или думаете ли вы, что в источнике не достанет воды? Не думаете ли вы, что Бог оставит пустым, бесплодным и высохшим сердце, покинутое миром? Не писал ли Он, что покинувшему всё ради любви к Нему воздастся во сто раз более в ещё ожидании вечности? Не думаете ли вы, что наиболее надломленные жизни, в которых замечается благодатное присутствие Божье, беднее любовью, чем те, которых свет окружает своим искусственным блеском? Разве привязанности света, такие расточительные в шумных и часто пустых излишествах, стоят бесконечной любви, которою Бог наполняет сердце, отдающееся Ему всецело? Разве значит быть одиноким, имея в душе Бога и сознавая, что эта душа, обладавшая прежде только преступными страстями и недостойным коварством, стала святилищем Того, Кто Сам есть любовь?

Я видел, братья, эти жизни, вознаграждённые Небом за всё, что было отнято у них на земле, и чем более их покидал мир, тем более изливалась на них эта любовь в их одиночестве. Если они, казалось, говорили всем земным мечтам, всем радостям и надеждам, исчезающим вдали: «Вы Меня оставите одного, но Я не один, потому что Отец со Мною».

Наконец, против отчаяния, этого высшего соблазна одиночества, ничего нет могущественнее мысли, что Бог с нами. Но этого ужасного чувства отрицания, подрывающего наши усилия, когда мы действуем в одиночестве, христианин не испытывает, потому что всегда имеет Невидимого Свидетеля своей жизни. Его положение, иногда маленькое, невидное и незаметное здесь, всегда велико пред Богом и близко Ему. Какое сильное мужество возбуждает подобная мысль! Сознание, что в жизни всё имеет своё назначение и цену, и что, имея или не имея успеха у людей, тем не менее он служит истинному Богу, не объясняет ли нам несокрушимую настойчивость тех, которые шли этой дорогой? — Бог со Мною: следовательно, то, что я делаю с Ним, не есть одно из тех человеческих дел, зависящих от тысячи случаев, с которыми связывается их успех. Несмотря на одиночество, моё дело не погибнет со мною, потому что я приношу камень к тому вечному зданию, которое созидается веками; всё, что я делаю, не бесполезно, и ничто не потеряно, потому что оно есть дело Божье. И когда я буду призван, подобно Предтече, окончить мои дни в темнице, в которой последние мысли и слова, казалось, схоронятся навсегда; когда смерть настигнет меня, не позволив даже проститься с людьми, я скажу: «я не один, Бог со мною». Или, когда я принуждён буду томиться в продолжение долгих лет на одре страдания, не имея ничего живого, кроме сердца, и не имея силы действовать ничем, кроме молитвы, когда забывшая меня дружба не откроет моей двери, и никто не будет свидетелем моей агонии: я могу сказать опять: «Нет, ни мои молитвы, ни мои страдания не потеряны; я не один, Бог со мною». Вот, братья, утешение христианина! Я не строю себе гипотез и картин воображения; а говорю о том, что видят повсюду, где христианская вера действительно властвует над сердцами. Если среди нас находится кто-нибудь, не знающий этого утешения христианина и не желающий его знать, я обращаюсь к нему: Вы страшитесь быть истинным христианином, говорю я, потому что, ставши

им, вы чувствуете, что будете одиноки среди мира, с которым связаны столькими нитями. Но вы думаете, что, отказавшись идти туда, куда вас призывает Бог, вы будете менее одиноки? Что такое жизнь, как не увеличивающееся с каждой минутой разочарование? Сколько горя в прошлом и сколько ещё лишений в будущем! Где находятся те, на которых ваше сердце опиралось ещё вчера, и где будут завтра те, на которых ваше сердце опирается сегодня? Смерть приходит, скашивая без устали всех, и только те, которые никогда никого не любили, не чувствуют своего одиночества, возрастающего с годами. К тому же, исключив даже смерть, не встречали ли вы иногда среди светских безумств того ужасающего одиночества, которое происходит от самолюбия и равнодушия, которое ещё страшнее того, что производит смерть?

Рано или поздно, братья, вы будете одиноки в жизни; будете влачить существование, ставшее вам в тягость, потому что окружающие не будут более нуждаться в вас. Придёт день и, может быть, уже пришёл, когда вы будете одиноки в жизни. Но это не всё: вы будете также одиноки, умирая. К чему вам послужат в этот великий час наиболее искренние похвалы, одобрения и даже привязанности людей? Пришедши к этому узкому проходу, вы должны его переступить одни. Размыслили ли вы об этом, приготовились ли к этому? И если бы дело шло только о смерти! Но смерть есть дорога, ведущая к Праведному Суду; и ваша совесть, и божественное Писание подтверждают это. Вы будете одни, представ пред престолом Всемогущего, и все иллюзии людей, их лесть, все их ложные советы исчезнут, как лёгкий дым. Один! Без всякого защитника; один со своим прошлым, со своею необузданностью, неблагодарностью, внутренним ничтожеством и скрытыми преступлениями, которые явятся пред ясным светом вечного дня. Один! Но почему? Бог предлагал вам Своё прощение, Свою любовь, но вы презрели их и не воспользовались ими.

Но если вам дорога душа, то, во имя вашего вечного будущего, во имя вашего спасения, примите ныне любовь, предлагаемую вам Богом, потому что страшно попасть в руки Бога живого. Понимаете ли вы теперь, что значит иметь Бога в себе, и обладать той любовью, от которой ничто, даже самая смерть, нас не может разлучить? Такова участь христианина, а следовательно, и наша, если мы захотим.

На пороге таинственной вечности мы можем сказать: «я не один, Бог со мною». Мы можем это сказать, всеми оставленные в горе, в самом ужасном положении; мы можем это сказать Царю Небес и самим себе в часы наших испытаний.

Моё слабое, братья, слово раздавалось бы не напрасно, если, войдя сюда с сердцем пустым и одиноким, вы унесли бы с собой отсюда это дивное обещание: «Я буду вам Отцом; вы же будете Моими сынами и дочерями, говорит Господь Вседержитель». (2 Коринф. 6:18) Аминь.

Комментарии
